

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗВИВАТЬСЯ

Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / под ред. А.С. Манькина. М. : Олби-Принт, 2010. 626 с.

Начиная со второй половины 1990-х гг. в зарубежной и в меньшей степени в отечественной научной литературе стали издаваться работы, доказывающие принципиальную однородность интеграционных процессов в различных частях мира. Эта теоретическая констатация послужила давно назревшей в международном академическом сообществе задаче легализации практики широких межрегиональных сравнений интеграционных очагов и их опыта в непохожих, на первый взгляд, точках земного шара. В первую очередь, конечно, в Европе и Азии, но также в Латинской и Северной Америке, Западном полушарии в целом и на пространстве СНГ.

По всей видимости, происходит активное становление «сравнительной интеграции» как научной и учебной дисциплины. На последнее обстоятельство указывает, в частности, тот факт, что на эту тему стала выходить не только монографическая, но (все больше) и учебная литература, пока, правда, преимущественно в жанре «учебных пособий».

Вместе с тем нельзя не видеть, что концептуальное осмысление компаративной интеграции, поиск адекватной ей методологии только делают первые шаги. В России данной проблеме до сих пор было отдано не так много серьезных работ.

Отрадно, что образовавшийся в результате пробел в отечественной политологии начинает постепенно восполняться. Одна из наиболее заметных книг в этой области была подготовлена коллективом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова под общей редакцией профессора А.С. Манькина в 2010 г.

Авторы рецензируемой книги не просто сумели «вместить» в жесткие рамки объема учебного пособия обширную географию интеграционных тенденций, рассмотрев ситуацию в Западной Европе, Латинской Америке, Африке, Северной Америке, АТР и на постсоветском пространстве. Им удалось выполнить всестороннее исследование интеграции как действительно комплексного социального феномена, определяющего типологическое своеобразие поведения участвующих в нем государств как при взаимодействии с внешним миром, так и при выстраивании внутренней, прежде всего социально-экономической, политики.

Оттолкнувшись от бесспорного тезиса, с одной стороны, о внутриродовом сходстве, а с другой — о видовых различиях моделей эволюции интеграционных очагов в разных точках земного шара (с. 7–27), авторы рецензируемой монографии попытались — и в этом состоит несомненное новаторство рассматриваемой работы — подобрать для каждой региональной версии интеграционности свое «определяющее» слово, знак специфики объединительных процессов в том или ином географическом ареале. Скажем, «тихая интеграция» применительно к Североамериканской зоне свободной торговли» (с. 294), «перспективная интеграция в АТР» (с. 385), «процессуальная, продолжающаяся интеграция» в Южной Америке (с. 179), «особенная» интеграция на пространстве СНГ (с. 515).

Понятно, что в стремлении изобрести компактный способ выражения неизбежно упрощение интеграционного феномена. Однако в учебных целях такого рода упрощение может быть полезно и даже необходимо.

Рассматривая каждый вариант интеграции, авторы заостряют наиболее по-

лемические в научном смысле аспекты. В контексте развития Европейского Союза они закономерно выхватили из широкого круга обсуждаемых проблем дискуссионный вопрос о наличии внешнеполитического потенциала в деятельности Европейского Союза, а также качественных и количественных параметров его измерения (с. 96). Несмотря на внушительный список публикаций по этой теме, число которых продолжает расти, ясности и тем более единодушия среди экспертов и ученых не наблюдается. Дело в том, что аргументы представителям апологетов и убежденных противников внешнеполитической идентичности ЕС дает сама динамика событий в мире и внутренняя логика эволюции Европейского Союза как интеграционной группировки.

Авторы делают вывод о том, что ЕС далеко продвинулся к осознанию своей внешнеполитической идентичности. Однако процесс этого осознания не был органичным. Страны-члены «форсировали» обретение Евросоюзом военного и внешнеполитического измерения в начале и середине 1990-х гг. под влиянием трансформации среды международной безопасности и ширящегося разрыва между растущей экономической мощью группировки и несоразмерным мирополитическим влиянием (с. 130).

Авторы не упоминают при этом, что, вероятно, главный ресурс внешнеполитического влияния ЕС — это перспектива вхождения в Евросоюз (с. 109). Именно под воздействием этого фактора — желанного членства в «Единой Европе» — во многом развивалась международно-политическая ситуация, например, в ЦВЕ, все 1990-е и отчасти 2000-е гг. Эффективность такой внешней политики была крайне высока: проводя политику европеизации через внедрение собственных норм в правовые системы стран-кандидатов, ЕС удалось добиться положительных итогов институциональных реформ посткомму-

нистических стран восточного блока в чрезвычайно сжатые сроки. Разумеется, подобная гонка за евростандартами не могла не сказаться на качестве и глубине проникновения этих норм в толщу социальных практик государств-кандидатов. Успехи, тем не менее, были очевидными. К 2010-м гг. место политики расширения в арсенале внешнеполитических методов ЕС пытаются «занять» европейская политика соседства и Восточная политика ЕС. Между тем на их эффективность подспудно влияет отсутствие заложенной в ней перспективы членства, что делает эти инструменты намного менее привлекательными в глазах стран-адресатов.

Любопытно, что глава, посвященная ЕС, названа «западноевропейская интеграция». Можно, наверно, возразить, что современная интеграция в ЕС, по крайней мере территориально, давно преодолела границы западноевропейского ядра интеграционных процессов в Европе. Фактически речь идет о едином ареале интеграционных взаимодействий во всей «зарубежной Европе» (если смотреть на этого глазами российского исследователя). В ряде отечественных публикаций вопрос ставится именно так.

Вместе с тем позиция авторов рецензируемой книги вполне оправдана. С самого начала в ЕС существовало «инициативное ядро», которое генерировало идеи, политическую энергию и материальные ресурсы, необходимые для поддержания достигнутого уровня интеграционного сотрудничества и его дальнейшего углубления. От этого же ядра исходили импульсы экспансии, расширения, свойственные любой системе, в том числе интеграционной.

Опыт расширений 1990-х и особенно 2000-х гг. показал, что, несмотря на очевидные дополнительные трудности, с которыми вынужденно сталкивались старые страны — члены ЕС в вопросах продолжения интеграции, ЕС в целом обладает достаточным запасом прочно-

сти, чтобы компенсировать сложности, связанные с приемом новых членов. Очередным этапом углубления противоречия внутри ЕС, как ожидалось, должен был стать финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., до предела обостривший экономические проблемы целой группы стран-членов ЕС, в том числе достаточно давно присоединившихся к группировке (Греция, Португалия, Ирландия). Однако этот кризис, по сути дела, подтвердил не только главенствующую роль старых членов ЕС (прежде всего Германии, Франции и отчасти Великобритании) в вопросах интеграции, но и оправданность и даже полезность их такого рода неформального лидерства для интересов сообщества в целом. Вопреки тенденциям развития ЕС в период кризисов середины 1970-х и начала 1980-х гг., недавний кризис не только не способствовал дивергенции внутри Евросоюза, но, напротив, символически утвердил его единство, а также доминирование в структуре его интересов и процесса принятия главных интеграционных решений стран «старой Европы» — первоначальной «шестерки» ЕОУС и Великобритании.

Рецензируемая книга интересна также анализом интеграционных группировок неклассического (неевропейского) типа, в частности на материале тенденций регионализации в АТР и, что менее типично для интеграционных исследований, на арабском Востоке.

Важно подчеркнуть, что в работах по интеграции начиная с 1970-х гг. сложился институционалистский дискурс. Он распространился под преобладающим влиянием европейцев и не должен восприниматься как единственно возможный вариант изучения интеграционного тренда. Хотя пласт рассуждений об институциональных особенностях интеграционного строительства в регионах по-прежнему пользуется устойчивой популярностью, особенно среди западных ученых, отметим, что рецензируемая

книга находится за рамками строго институциональных исследований и в этом смысле отражает растущий плюрализм подходов к описанию интеграционных форм в мире.

Отказ от заикленности на сравнении институциональных аспектов интеграционных взаимодействий в различных частях мира позволил авторам книги более плодотворно рассмотреть процессы межгосударственного сближения в арабском мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Пример интеграционных усилий на межарабской основе, несомненно, требует серьезного изучения, особенно в свете политической инициативы ЕС в отношении Средиземноморья, где арабские страны Северной Африки вовлекаются в орбиту уз преференциального сотрудничества со странами Европейского Союза. Объем существующих разработок в этой сфере невелик.

Авторы рецензируемой книги строят свой анализ исходя из учета мотивации и адекватных местной специфике форм и очередности этапов сращивания, которые не должны, исходя из нормативных европоцентричных моделей, полагаться единственно возможными для всех межгосударственных объединений в мире.

Еще один пример успешной интеграции, подробно разбираемый в учебном пособии (часть 4), — АСЕАН, представляющий собой наиболее старый механизм региональной кооперации в зоне не-Запада. Значимость этого примера очевидна в свете крупных макрорегиональных трансформаций в ареале Большой Восточной Азии, где в форматы привилегированного взаимодействия (АСЕАН + 3, ВАС) втягиваются, по крайней мере организационно, восходящие лидеры полицентричного мира — Китай, Индия, отчасти Япония. Без понимания природы и будущего протекающего в данном регионе процессов невозможно всерьез рассуждать о перспективах

глобального управления и особенности формирующегося миропорядка.

Не со всеми выводами и подходами авторов можно соглашаться. Скажем, не вполне понятно, почему интеграционные тенденции в Латинской Америке и в Северной Америке не рассматриваются совместно, а термин «Западное полушарие» используется только по отношению к НАФТА? Или, например, почему проекты арабской интеграции «спрятаны» в теме об интеграции в Африке, к которой явно не относится Союз сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Вместе с тем ценность книги в другом. Она содержит новейшее систематизированное знание об интеграции как глобальном феномене и в этом смысле будет полезна российским международникам — как студентам, так и исследователям.

*Андрей Байков,
заместитель главного редактора
журнала «Международные процессы»,
кандидат политических наук*

Харрелл Э. О глобальном управлении: сила, ценности и формирование международного сообщества. Нью-Йорк : Оксфорд Университи Пресс, 2007. 336 с.

Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. New York: Oxford University Press, 2007, 336 p.

Данная книга является одной из лучших книг по нормативным аспектам глобального управления, опубликованных за последнее десятилетие. Опираясь на достижения английской школы политической науки, либеральный институционализм, конструктивизм, автор рассматривает некоторые из наиболее глубоких вопросов сущности природы международного сообщества, а также возможности мирового управления в двадцать первом веке. Эндрю Харрелл, бывший студент Хедли-Буллы, выходит за рамки традиционной концепции анархиче-

ского общества, основанного на минималистских условиях сосуществования, и предлагает новый подход к пониманию того, какого рода политические организации потребуются в будущем. Для этого он исследует три основные проблемы глобального общества: общие интересы, необходимость баланса неравного распределения власти, а также необходимость сохранения культурного разнообразия и конфликта ценностей.

Книга состоит из четырех частей. Первая сосредоточена на концептуальных основах и состоит из трех глав, которые вновь обращаются к идее анархического общества, изучению мирового либерализма и анализу сложных систем мирового управления. Харрелл исследует анархическое общество, согласно определению Буллы и других представителей английской школы — в его основе лежит сохранение международного сообщества, сохранение независимости суверенных государств, а также регулирование войн и конфликтов между государствами. Он представляет доказательства того, что международное сообщество существенно изменилось, и что существует множество проблем, которые не могут быть успешно решены на основе политики государственного плюрализма. Признавая непреходящее значение государства в глобальном управлении, Харрелл указывает на различные события в управлении глобальной экономикой, глобальной окружающей средой и глобальной архитектурой безопасности, которые требуют инновационных подходов. Традиционные аналитические подходы становятся менее актуальными в силу растущей регионализации мира. В силу этих новых реалий книга Харрелла призвана изучить возможности анархического общества суверенных государств «для того, чтобы обеспечить практически жизнеспособные и нормативно приемлемые рамки для глобального политического порядка в эпоху глобализации» (стр. 1–2).

В отличие от некоторых более ранних теоретиков международного сообщества, которые утверждали, что международный порядок основан на уровне консенсуса между суверенными государствами, концептуальные рамки Харрелла выводят его за рамки вопроса о консенсусе. Он утверждает, что современное международное сообщество «характеризуется множеством идей, взглядов и ценностей», которые должны быть приняты во внимание при разработке стратегий для решения будущих глобальных проблем. Вместе с тем он указывает на сохраняющиеся ограничения для некоторых групп государств и других международных акторов на существенный вклад в глобальное управление. Именно эта аргументация и акцент на этических и нормативных аспектах мирового управления отличают Харрелла от его предшественников в английской школе.

Вторая часть книги посвящена пяти блокам вопросов: национализм и идентичность, права человека и демократия; войны, насилие и коллективная безопасность, экономическая глобализация и глобальное неравенство, а также экологические проблемы. Харрелл убедительно показывает, почему эти пять блоков вопросов имеют решающее значение для эффективного управления на глобальном уровне: они лежат в основе дискуссии о порядке внутри и между государствами, а также о связи между гражданственностью и космополитизмом; они влияют на международные договоренности и обладают потенциалом генерировать новые источники нестабильности и подрывать глобальный порядок, а также все больше начинают играть важную роль в определении легитимности суверенных государств и толковании суверенитета.

В третьей части этой книги рассматриваются альтернативные подходы к мировому порядку, в частности делается акцент на контрасте между глобализацией и регионализацией. Сближение

государственной политики некоторых государств, а также формирование общих интересов и ценностей жителей этих стран привели к распространению гипотез, что суверенные государства теряют свою актуальность, и что мир все более становится «глобальной деревней». В противовес этому Харрелл отличает, с одной стороны, «единый мир глобального капитализма, глобальной динамики безопасности, глобальной политической системы, которая для многих вращается вокруг одной гегемонистской державы, глобальных институтов мирового управления», а с другой стороны, «регионы и региональный уровень политической практики и анализа, которые прочно утвердились в качестве важнейших элементов системы глобального политического порядка» (стр. 239).

Анализируя концепт империи в контексте мирового порядка, Харрелл фокусируется на неравенстве власти и месте США в качестве гегемона. Указав на различия между империей и гегемонией, Харрелл утверждает, что «гегемония США осложняется целым рядом исторических и структурных обстоятельств, которые подтолкнули Соединенные Штаты к более глубокому участию и вмешательству, которые могут препятствовать осуществлению США их властных функций» (стр. 262). Он предполагает, что заинтересованным в устойчивости «единого мира» сторонам необходимо уделять больше внимания нуждам, чаяниям, взглядам, и голосам исторически обездоленных. Из-за неравенства сил и доступа к ресурсам трудно говорить о «едином мире»; что глобализация не означает единства интересов и ценностей. Кроме того, он отмечает, язык международного порядка и глобального управления часто отражает предпочтения доминирующих акторов и не является политически нейтральным.

В последней главе рассматриваются изменения характера международного

сообщества и стремление к справедливости. Харрелл исследует политику плюрализма в рамках английской школы и спорит с ними, утверждая, что «не существует приемлемого или реального способа сохранить плюралистической подход в отношении мирового сообщества» (стр. 292). Касательно трех вышеперечисленных проблем глобального общества Харрелл предлагает подход, осно-

ванный на приоритете институтов над агентами. Он полагает, что институты имеют важное значение, поскольку они могут послужить основой для взаимовыгодного компромисса в моральных прениях, а также развитию глобального морального сообщества.

*Игорь Окунев,
аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России*